

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В КАЗАХСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ж.М. Омашева

Карагандинский государственный медицинский университет
ул. Гоголя, 40, Караганда, Казахстан, 1000008

Статья посвящена сопоставительному изучению названий лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках. Цель работы — установление основных способов передачи и сохранения смыслов при переключении межъязыковых кодов. Результат: проанализированы способы передачи в казахском языке эквивалентных и безэквивалентных наименований — транслитерация и калькирование (полное и частичное). Выявлены культурно-специфические мотивы безэквивалентных номинаций.

Ключевые слова: названия лекарственных травянистых растений, безэквивалентная лексика, безэквивалентная лексика, реалии, лакуна, культура

Введение

Наименования реалий, отражающих особенности природно-географической среды, культуры, быта, нравов, обычаев, традиций, связанных с народными поверьями, фольклором, мифологией, в любом языке входят в его основной словарный состав. При всей общности условий в жизни каждого народа есть свои собственные только ему реалии культуры и быта, которым в иной культуре (и понятийной системе) соответствуют полные или частичные пробелы (Г.Д. Томахин, М.В. Никитин, Г.В. Колшанский, С.Г. Тер-Минасова). В.Н. Манакин писал: «Описание языковых картин мира в аспектах контрастивной лексикологии и семасиологии — это осознание самих себя, своих языков, своего видения мира не в меньшей, а быть может в большей мере, чем знакомство с другими культурами» [4. С. 18].

Культурно-специфичные слова, по мнению А. Вежбицкой, являются понятийными орудиями, отражающими прошлый опыт нации относительно действий и размышлений о различных вещах определенными способами; они способствуют увековечиванию этих способов. Проявление несовпадения или отсутствия реалий в другой культурной среде описывается с помощью понятия «лакуна».

Одной из важнейших задач сопоставительной лексикологии является исследование путей и способов передачи полных и частичных лакун в другом языке. Для обозначения наименований, отражающих национальные особенности культуры народа — носителя конкретного языка — разработан ряд терминов: «безэквивалентная, неполно-эквивалентная лексика» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.С. Мамонтов), «реалии» (Г.Д. Томахин, В.В. Ощепкова, С. Влахов, С. Флорин), «лакуны» (В.А. Муравьев, Ю.А. Сорокин), «фоновая лексика» (Г.Д. Томахин, Ю.А. Воробьев, В.В. Ощепкова), «национальные словесные образы» (В.В. Ощепкова), «экзотическая лексика» (В.П. Берков), «культуремы» (В.В. Воробьев). Семантический аспект этих наименований рассматривается исследователями как область соприкосновения языка и культуры. В.В. Ощепкова пишет о том, что «лексические единицы (безэквивалентная, коннотативная, фоновая лексика и ключевые слова), являясь образными наименованиями, представляют собой “лингвокультуремы”, концентрированно выражающие особенности семантики языка и требующие для своего распрямления сочетания лингвострановедческих знаний, “фоновых знаний”. Подобную лексику принято называть безэквивалентной лексикой. К безэквивалентной лексике относят денотативные реалии, не имеющие словарных соответствий в других языках либо из-за отсутствия в общественной практике данной социокультурной общности соответствующих реалий, либо из-за отсутствия лексических единиц, обозначающих эти реалии. Такая лексика или заимствуется, или переводится описательно» [5. С. 95].

Систематическое исследование национально-культурного аспекта лексического значения было представлено в лингвострановедческой теории слова, разработанной Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым на материале русского языка, продолженной затем в трудах Г.Д. Томахи на материале английского языка.

Г.В. Колшанский, описывая виды языковых соответствий и несоответствий, вызванных отсутствием эквивалента, выделяет восемь разных групп безэквивалентной лексики в зависимости от конкретных причин, определяющих их безэквивалентность:

- отсутствие отдельных языковых единиц для именованного того или иного явления;
- различия во внутренней этимологии, влияющие на характер восприятия самого объекта и возникающие отсюда концептуальные особенности семантики;
- несовпадение семантики языковых единиц в области перечисления особенностей и обозначения общего признака в различных подязыках (например, сельскохозяйственная лексика);
- различия в номинации явления, указывающие на принципиально иной выбор соответствующих признаков для формирования семантики единиц (например, система единиц);
- концептуально значимое разбиение по классам, влияющее на описание соответствующих объектов (морфологические классы, семантические классы, объединение слов по принципу «пол», «цвет» и т.д.);
- грамматические особенности, обусловленные своим набором категорий (вид, время, модальность и т.д.), представленные в каждой языковой системе;

— стилевые особенности языка, дифференцирующие разные жанры (сферы) общения (формы вежливости, мужской и женский языки, речевой этикет, терминология, подязыки);

— семантические коннотации, зависящие от сложившихся традиций и особенностей жизни общества и фиксирующие в сознании людей соответствующую объективную структуру общественных отношений и особенности индивидуального воспитания (культурно-эстетические ассоциации, индивидуальные образные ассоциации и т.д.)» [3. С. 81].

В зависимости от формального соотношения безэквивалентной единицы и ее соответствия в другом языке выделяют универбы, т.е. однокорневые наименования, не имеющие эквивалента в виде лексемы в другом языке, и перифразы, т.е. соответствующие им описательные наименования. Под перифразом понимается сочетание двух и более лексем, характеризующееся функцией замены слова, синонимичностью по отношению к заменяемому слову, номинативным характером, отсутствием образности, переносного значения [1. С. 81].

А.О. Иванов различает такие типы безэквивалентности, как референциальную, если отсутствие соответствия в лексике другого языка касается денотативного плана лексического значения единицы; прагматическую, когда безэквивалентность касается прагматических типов значения. В зависимости от этих типов он выделяет следующие группы безэквивалентной лексики:

— референциально-безэквивалентная лексика: реалии; термины; фразеологизмы; индивидуальные авторские неологизмы; семантические (понятийные) лакуны; слова широкой семантики, употребленные в тексте в своем самом широком значении; сложные слова различных типов, значения которых могут быть переданы на языке перевода только описательным путем или различными трансформациями;

— прагматически-безэквивалентная лексика, включающая в себя: отклонения от общезыковой нормы языка, включая как территориальные, так и социальные диалекты; иноязычные вкрапления; аббревиатуры, прагматика которых не всегда вписывается в структуру значения соответствия в языке перевода; слова с суффиксами субъективной оценки; междометия; звукоподражания; ассоциативные лакуны;

— альтернативно-безэквивалентная лексика, состоящая из следующих групп: имена собственные (антропонимы, топонимы, фирменные названия, названия книг, фильмов и т.д.), реалии и фразеологизмы, специфика которых заключается в том, что, в зависимости от избранного способа передачи в языке, их безэквивалентность будет либо референциальной, либо прагматической [2. С. 75].

Способы передачи эквивалентной и безэквивалентной лексики в казахском языке

Задачей нашей статьи является исследование способов передачи в казахском языке наименований лекарственных травянистых растений (НЛТР) русского языка, которые относятся к эквивалентной и безэквивалентной лексике, в частности к референциально-безэквивалентной лексике. В ходе сплошной выборки из биологических и энциклопедических словарей, специальной медицинской литера-

туры научного и научно-популярного характера нами были отобрано 82 казахских наименования лекарственных травянистых растений и соотносительных с ними русских наименований.

Часть лексических единиц в исследуемой нами группе представляет собой слова с латино-греческой основой, которые передаются путем транслитерации: *Ammi* — амми — амми; *Rauwolfia* — раувольфия — раувольфия; *Ruta* — рута — рута. Как мы видим, они все имеют близкие или тождественные звуковые оболочки, восходящие к греческому или латинскому наименованию. Эту подгруппу наименований лекарственных трав можно отнести к эквивалентной лексике, имеющей сходные обозначения в казахском и русском языках в силу того, что они восходят к общим греческим или латинским словам, которые являются основой научной терминологии, например, в ботанике. Путем транслитерации передаются как односоставные, так и составные НЛТР, где видовой эпитет указывает на наличие топонимов или антропонимов: *Glycyrrhiza Korshinsleyi* — солодка Коржинского — Коржинский мясы; *Polygala sibirica* — истод сибирский — сибір полигаласы (мекеті); *Althaea armeniaca* — алтей армянский — армян жалбызтікені. Как показывает проанализированный материал, указанный способ характерен для эквивалентных научных НЛТР. В количественном отношении путем транслитерации переданы 9 слов из 82, что составляет 11% от общего количества анализируемых НЛТР. В отдельных случаях мы отметили одновременное использование как эквивалентных, так и безэквивалентных наименований, т.е. использования народных названий наряду с научными терминами: *arachis* — арахис — жержанғақ (жер жаңғақы).

Для передачи безэквивалентных НЛТР в казахском языке также широко используется калькирование. Казахские НЛТР, образованные таким способом, подразделяются на полные или частичные кальки. При полном калькировании НЛТР образуется в результате перевода на казахский язык отдельных значащих частей русского языка, например: *грудница* — төскей (төс «грудь» + кей «-ница»), *черно-корень* — қаратамыр (қара «черный» + тамыр «корень»). Неполные кальки (полукальки) возникают в том случае, когда отдельные части слова не переводятся на казахский язык. Так, суффиксы русского языка -ик(а), -анк(а)/-янк(а), -овк(а), -ник, -овник, -ниц (а), -к(а), -ак/-як, -юх(а), -ец и др. передаются словом *шөп* (травя), *гүл* (цветок), *от* (травя), например: *морозник* — қысшөп (қыс «зима» + шөп «травя»), *мыльнянка* — сабыншөп (сабын «мыло» + шөп «травя»), *орляк* — қыранот (қыран «орел» + от «травя»), *синюха* — көкшегүл (көкше «синеватый» + гүл «цветок»), *душица* — жұпаргүл (жұпар «душистый» + гүл «цветок»). НЛТР, построенные в русском языке по типу корень + корень + ник, на казахский язык передаются конструкцией корень + корень. Например, *змееголовник* — жыланбас (жылан «змея» + бас «голова»), *былокопытник* — ақбақай (ақ «белый» + бақай «надкопытная косточка у парнокопытных»). Все рассмотренные нами кальки и полукальки являются универбами.

Калькирование относится к основным способам передачи безэквивалентных НЛТР в казахском языке (18 наименований) и составляет 22% от общего числа анализируемых нами лексических единиц, обозначающих лекарственные травы.

Процесс калькирования наблюдается и при передаче греко-латинских наименований на русском языке. Например, *atropa belladonna* — *белладонна* — *итжи-дек*. Видовое понятие в дословном переводе означает «красавка» от итальянского «bella» — красивая, «donna» — женщина. Это связано с тем, что в Древнем Риме красавка была распространенным косметическим средством. Соком из ее ягод румянили щеки, а также закапывали сок в глаза, отчего зрачки расширялись, что придавало женщинам неотразимость. Как видно из примера, культурно значимая информация воплощена в денотативном аспекте значения.

В народной этимологии отражается семантическая мотивировка этимологически изолированного, непрозрачного слова на основе его сближения с близкими по звучанию словами, что внешне может выражаться в его звуковой или семантической модификации. Например, слово *пижма* древнегерманского происхождения, вошедшее в русский через язык-посредник — польский. Русское название — *дикая рябинка, пуговочник*. На казахский язык переводится универбом *түймешетен*, мотивирующей основой которого также выступает слово *түйме* (пуговица). Названия *аир, цикорий, фасоль, ревен, сельдерей, кермек, кунжут, сабур, калган, бадан* также относятся к заимствованиям из польского, немецкого, турецкого, персидского и тюркского языков. К примеру, наименование *ревен* встречается с XV в., от турецкого *ravent* — ревен, восходит к персидскому *ravend* [9. С. 386]. Слово *цикорий* заимствовано в XVIII в. из польского языка. Польское *sukoria* — цикорий из латинского языка [9. С. 518]. «Сельдерей заимствовано в XVIII веке из немецкого *sellerie*, восходящее к латинскому *selinum*» [9. С. 405].

Анализ этимологических словарей под ред. Н.М. Шанского, М. Фасмера, Р.Г. Ахметьянова показал, что некоторые НЛТР этимологически восходят к индоиранским языкам. К примеру, слово *дурман* пришло в русский язык через тюркский (каз. *дәрі* «лекарство», башк. *турман* «лекарство для лошадей», татар. *дарман, дәрмен*, чув. *тарман* «способ, средство, сила, мочь, «лекарство», турец. *derman* «лекарство» происходит от перс., инд. *darman* «лекарство» [8. С. 555]. В русском языке это слово получило более широкое значение «нечто одуряющее», так как все части растения ядовиты и могут вызвать сильное возбуждение, галлюцинации. К древнейшим заимствованиям относятся и парсизмы, среди которых мы отметили следующие слова: *бадьян* (бадйан), *ревен* (риванд), *шафран* (зафаран), *кунжут* (конджед). Наличие в тюркизмах-фитонимах слов индийского и персидского происхождения, вероятно, свидетельствует о том, что процесс взаимообмена лексикой был обусловлен интенсивными этнолингвистическими взаимосвязями в период массового передвижения тюркских племен и племенных объединений в ирано- и арабоязычную среду, начиная с V—VI вв., что способствовало продвижению тюрков в Византию, Хорезм, Поволжье, Кавказ и Крым и развитию торговли с народностями и племенами, проживающими там.

Анализ внутренней формы некоторых НЛТР позволил выявить наличие культурной информации, отражающей мифологические представления, народные поверья и легенды, исторические факты, обычаи и традиции. К примеру, название травы «прострел» по древним поверьям возникло оттого, что один из ангелов прострелил это растение насквозь громовой стрелой, когда в этом цветке нашла себе прибежище нечистая сила. С тех пор бесы боятся прострела. В научном на-

звании «вероника лекарственная» имеется указание на имя собственное Вероника, буквально означающее «несущая победу». Согласно христианской легенде, когда Христос нес свой крест на Голгофу, набожная Вероника отерла пот с его лица и на льняном платке чудесным образом запечатлелось изображение Спасителя. Что касается казахского эквивалента, то мотивом номинации выступают другие признаки, например, существующая в казахском языковом сознании функциональная связь растения с животным или птицей. См., например: *құндызшөп* «прострел» — (кұндыз «бобер» + шөп «трава»), *дәрілік бәденешөп* «вероника лекарственная» — (бәдене «перепелка» + шөп «трава»), т.е. трава, используемая в качестве корма бобрами или перепелками. З.К. Темиргазина относит подобные номинации к безэквивалентным единицам, «обладающим денотативно-референтной соотнесенностью в другой культуре, т.е. называющим явления, понятия, бытующие и в другом национально-культурном континууме, но имеющим специфически национальный языковой способ репрезентации» [6. С. 40].

Объективацией русского народного культурно-языкового сознания следует считать и названия *василек, иван-чай, марьянник дубравный, анютины глазки, плакун-трава, чертополох, петров крест, кузьмичева трава, богородская трава* и др. В некоторых наименованиях лекарственных растений мы также находим актуализацию фрагментов архаической ментальности древних греков, например: *адонис весенний*. «Древние греки создали миф о прекрасном юноше Адонисе, сыне царя Кипра. Его любила вечно юная златокудрая Афродита, богиня любви, дочь Зевса. Она охотилась с ним на оленей и кротких ланей, но избегала свирепых зверей и просила Адониса остерегаться их в ее отсутствие. Но легкомысленный юноша, увлеченный охотой, погнался за диким кабаном. Адонис не успел пронзить кабана копьем, разъяренный зверь бросился на охотника и смертельно ранил его клыками. Горько плакала Афродита над телом любимого юноши и в память о нем вырастила из его крови прекрасный цветок (Адонис весенний), распускающийся каждую весну» [7. С. 9].

Заключение

Итак, как показало исследование, основным способом передачи эквивалентных наименований лекарственных трав в казахском языке является транслитерация (11%), что объясняется единообразием научно-терминологической лексики, базой которой выступают латинские и греческие слова. Безэквивалентные наименования передаются главным образом путем калькирования — полного или частичного (21%), которое в силу разноструктурности русского и казахского языков имеет определенную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахметжанова З.К., Валиханова Р.Е.* Сопоставительно-функциональное исследование лексико-фразеологических систем казахского и русского языков. Алматы, 1999. 183 с.
- [2] *Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика. СПб.: Типография издательства СПбГУ, 2006. 200 с.
- [3] *Кошанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и в языке. М.: Наука, 1990. 245 с.

- [4] Манакин В.Н. Языковые картины мира в перспективах контрастивной лингвистики // Язык и культура: Материалы II Международной конференции. Киев, 1994. С. 74—77.
- [5] Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.; СПб.: Глосса КАРО, 2004. 336 с.
- [6] Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар: ПГПИ, 2009. 135 с.
- [7] Ушбаев К.У. Целебные травы. Алматы: Қайнар, 1975. 200 с.
- [8] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1973. Т. 4. 852 с.
- [9] Шанский Н.М., Иванов В.В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1975. 543 с.

Для цитирования: Омашева Ж.М. Эквивалентные и безэквивалентные названия лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 57—64.

EQUIVALENT AND NON-EQUIVALENT NAMES OF MEDICAL HERBAL PLANTS IN KAZAKH AND RUSSIAN LANGUAGES

Zhanar M. Omasheva

Karaganda State Medical University
Gogol str., 40, Karaganda, Kazakhstan, 1000008

The article is devoted to a comparative study of medical herbal plants names in the Kazakh and Russian languages.

Our purpose — to establish the main modes of transmission and conservation of meanings in case of switching interlanguage codes. The result: the ways of transformation of equivalent and non-equivalent names in the Kazakh language — transliteration and calquing (full and partial) have been analyzed. The author reveals cultural and specific grounds of non-equivalent names.

Key words: medical herbal plants names, non-equivalent vocabulary, realia, lexical gap, culture

REFERENCES

- [1] Ahmetzhanova Z.K., Valihanova R.E. Sopotavitel'no-funkcional'noe issledovanie leksiko-frazeologicheskikh sistem kazahskogo i russkogo yazykov. Almaty, 1999. 183 s. [Ahmetzhanova Z., Valihanova R. Comparative and functional study of lexical and phraseological systems of the Kazakh and Russian languages. Almaty, 1999. 183 p.]
- [2] Ivanov A.O. Bezhkvivalentnaya leksika. SPb.: Tipografiya izdatel'stva SPbGU, 2006. 200 s. [Ivanov I. Non-equivalent lexics. Saint Petersburg State University Press, 2006. 22 p.]
- [3] Kolshanskij G.V. Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i v yazyke. M.: Nauka, 1990. 245 s. [Kolshanskij G. An objective picture of the world in knowledge and language. Moscow: Science, 1990. 245 p.]
- [4] Manakin V.N. Yazykovye kartiny mira v perspektivah kontrastivnoj lingvistiki. Yazyk i kul'tura: Materialy II mezhdunarodnoj konferencii. Kiev, 1994. S. 74—77. [Manakin V. Language pictures of the world in the prospects of contrastive linguistics. Kiev, 1994. P. 74—77.]

- [5] Oshchepkova V.V. *Yazyk i kul'tura Velikobritanii, SSHA, Kanady, Avstralii, Novoj Zelandii*. M.; SPb.: Glossa KARO, 2004. 336 s. [Oshchepkova V. *Language and Culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zeland*. Moscow; SPb.: Glossa KARO, 2004. 336 p.]
- [6] Temirgazina Z.K. *Sovremennye teorii v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike*. Pavlodar: PGPI, 2009. 135 s. [Temirgazina Z. *Modern theories in domestic and foreign linguistics*. Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical Institute, 2009. 135 p.]
- [7] Ushbaev K.U. *Celebnye travy*. Almaty: Kajnar, 1975. 200 s. [Ushbaev K. *Herbs*. Almaty: Kajnar, 1975. 200 p.]
- [8] Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. M.: Progress, 1973. T. 4. 852 s. [Vasmer M. *Etymological dictionary of Russian Language*. Moscow: Progress, 1973. Vol. 4. 852 p.]
- [9] Shanskij N.M., Ivanov V.V. *Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. Pod red. S.G. Barhudarova. M.: Prosveshchenie, 1975. 543 s. [Shanskij N., Ivanov V. *Brief etymological dictionary of Russian language*. Moscow: Education, 1975. 543 p.]

For citation: Omasheva Zh. M. Ekvivalentnye i bezekvivalentnye nazvaniya lekarstvennyh travyanistyh rastenij v kazahskom i russkom yazykah [Equivalent and Non-equivalent names of medical herbal plants in Kazakh and Russian Languages]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty*. 2016, no. 4, pp. 57–64. (In Russian)